

УДК 94:341.322.5

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-217-234>

Пожилое население и старики как особая категория жертв нацистских военных преступлений

В. В. Бахтин¹ ✉, А. А. Припадчев²

¹ Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко
ул. Студенческая, д. 10, г. Воронеж 394036, Российская Федерация

² Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
ул. Мичурина, д. 1, г. Воронеж 394087, Российская Федерация

✉ e-mail: bakhtin2009@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время в российском обществе наблюдается повышенный интерес к трагедии гражданского населения. Это находит отражение как в многочисленных научных публикациях, так и в процессуальных действиях. Белгородский, Воронежский, Орловский областные суды признали военные преступления нацистов и их пособников геноцидом.

Цель статьи – рассмотреть на основании материалов Чрезвычайной государственной комиссии федеральных и региональных архивов особую категорию жертв нацистских преступлений – стариков.

Задачи: определить критерии старости, выяснить количество жертв преступлений – стариков на территориях Воронежской, Курской и Орловской областей, рассмотреть различные способы убийства пожилых и стариков.

Методология. Базу данного научного исследования представляет комплекс общего диалектического метода научного познания, общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции и частнонаучных методов познания, таких как: формально-логический, формально-юридический. Авторами настоящей работы также применялись приемы изучения общественных явлений в их конкретном проявлении в определенных условиях места и времени и особые исторические приемы: ретроспективный, сравнительно-исторический, историко-правовой, логический.

Результаты. Исследование стало объективным доказательством истребительной политики нацистов и их пособников на территории областей Центрального Черноземья. Приводятся многочисленные архивные документы, подтверждающие, что пожилое население и старики являлись одной из массовых жертв военных преступлений.

Вывод. Пожилое население и старики в силу своих психофизиологических особенностей, из-за своей неспособности или ограниченности к физическому труду уничтожались в числе первых. Они рассматривались нацистским руководством как лишний, абсолютно не нужный балласт, от которого надо было избавиться.

Ключевые слова: виктология; военные преступления; жертва; мирное население; военный преступник; Черноземье.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бахтин В. В., Припадчев А. А. Пожилое население и старики как особая категория жертв нацистских военных преступлений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 217–234. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-217-234>.

Поступила в редакцию 19.06.2023

Принята к публикации 28.07.2023

Опубликована 30.08.2023

Old People as a Special Category of Victims Nazi Crimes

Victor V. Bakhtin¹ ✉, Andrey A. Pripadchev²

¹Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
10 Studencheskaya Str., Voronezh 394036, Russian Federation

²Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I
1 Michurina Str., Voronezh 394087, Russian Federation

✉ e-mail: bakhtin2009@yandex.ru

Abstract

Relevance. Currently, there is an increased interest in the tragedy of the civilian population in Russian society. This is reflected both in numerous scientific publications and in procedural actions. Belgorod, Voronezh, Oryol regional courts recognized the war crimes of the Nazis and their accomplices as genocide.

Purpose: to consider, based on the materials of the Extraordinary State Commission of Federal and Regional Archives, a special category of victims of Nazi crimes – the elderly.

Objectives: to determine the criteria of old age, to find out the number of victims of crimes – the elderly in the territories of the Voronezh, Kursk and Oryol regions, to consider various ways of killing the elderly and the elderly.

Methodology. The basis of this scientific research is a complex of general dialectical method of scientific cognition, general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction and private scientific methods of cognition.

Results. The study became an objective proof of the extermination policy of the Nazis and their accomplices on the territory of the regions of the Central Chernozem region. Numerous archival documents confirming that the elderly population and the elderly were one of the mass victims of war crimes are cited.

Conclusion. The elderly population and the elderly, due to their psycho-physiological characteristics, due to their inability or limitation to physical labor, were among the first to be destroyed. They were considered by the Nazi leadership as an extra, absolutely unnecessary ballast, which had to be disposed of.

Keywords: victimology; war crimes; victim; civilian population; crimina; Chernozem region.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bakhtin V. V., Pripadchev A. A. Old People as a Special Category of Victims Nazi Crimes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2023; 13(4): 217–234. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-217-234>

Received 19.06.2023

Accepted 28.07.2023

Published 30.08.2023

Введение

В годы Великой Отечественной войны нацистами и их пособниками были уничтожены миллионы советских граждан. Однако до настоящего времени отсутствуют обобщающие сведения по отдельным категориям жертв военных преступлений. С 1992 г., с созданием НПЦ «Холокост», начинается скрупулезное изучение евреев как особой группы жертв, подлежащей тотальному уничтожению [1, с. 138]. С 2017 г. историком

И. Ребровой начиналось исследование массовых убийств пациентов психиатрических лечебниц на Северном Кавказе. С 2020 г. проект «Помни о нас...» стал реализовываться в 16 субъектах Российской Федерации. Итоги проекта обобщены в сборнике статей, вышедшем в 2022 г. [2] В последние годы появились работы о геноциде представителей синти и рома [3], военнопленных [4; 5; 6].

В 2020 г. в рамках федерального проекта «Без срока давности» вышли 23 тома сборников документов. Издание

представляет часть серийной публикации и включает архивные документы о преступлениях нацистов и их пособников, подтверждающие факт геноцида против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Опубликованные документы из федеральных и региональных архивов позволяют исследователям изучить различные категории жертв военных преступлений.

Методология

Авторы исходили из принципов объективности и историзма. Статья базируется на синтезе общенаучных и частнонаучных методов научного познания. Из числа общенаучных применялся диалектический метод, метод анализа и синтеза, индукции и дедукции. Авторами настоящей работы применялись приемы изучения общественных явлений в их конкретном проявлении в определенных условиях места и времени и особые исторические приемы: ретроспективный, сравнительно-исторический, историко-правовой, логический. Частнонаучные методы юридической науки, такие как: формально-логический, формально-юридический, позволили уточнить и конкретизировать многие правовые дефиниции, используемые в статье.

Результаты и их обсуждение

Определение «жертвы» регламентировано в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г.): жертвы преступлений – «...лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-

членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью»¹.

Понятие «жертва» активно разрабатывается в виктимологии (от лат. *viktima* – жертва) – учении о жертве преступления. Возникновение виктимологии как науки связывается с именами Бенджамина Мендельсона (1900–1998 г.) и Ганца фон Гентинга (1887–1974). Появление жертвы преступления в качестве объекта исследования во многом является заслугой Мендельсона, который в 1937 г. начал научное исследование жертв преступлений [7, р. 877–891]. В 1947 г. он придумал термин «виктимология» [8]. В следующем году фон Гентинг опубликовал свою книгу «Преступник и его жертва», в которой отстаивал идею криминальной виктимологии, в которой будут учитываться только жертвы преступлений [9]. Мендельсон в 1975 г. опубликовал монографию «Общая виктимология», в которой расширил понятие жертвы преступлений, но и выделил жертвы природных катаклизмов, геноцида, этнических конфликтов и войн [10].

В 1980-е гг. целая группа виктимологов стала фокусировать внимание на жертвах нарушений прав человека, таких как геноцид, пытки и рабство и исключать жертв стихийных бедствий [11].

Криминологи разработали многочисленные типологии, включавшие до 13 категорий жертв [12]. Мендельсон считал, что жертвы отличаются возрастом, полом, степенью культуры и интеллекта, биопсихическим аспектом, степенью привыкания к агрессивным началам, эмоциональной устойчивостью или нестабильностью. Среди разрабатываемых им жертв была категория «абсолютно невиновная жертва: дети, недееспособные»

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью: [принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.] // Организация Объединенных Наций: сайт. URL: <http://www.un.org/> (дата обращения: 24.06.2023).

[13, p. 105–108]. Гентинг впервые выделил особую группу жертв – «пожилые». Психоповеденческий профиль пожилой жертвы создается за счет снижения реакций и защитного поведения, отсутствия физической и моральной силы, противостояния сильному сопротивлению агрессору [9]. Американский криминолог Стивен Шафер в монографии «Виктимология: жертвы и его преступник» классифицировал жертв по степени участия и ответственности в совершении преступления, выделил «слабые жертвы с биологической точки зрения», для которых соблюдение исполнения агрессивных действий является результатом биологической неспособности противостоять принуждению агрессора» [14].

Основатель советской виктимологии Л. В. Франк (1920–1978), рассматривая категорию «жертвы» с позиций фон Гентинга, не относил к ним пострадавших от геноцида и войн [15].

В настоящее время существует несколько разработанных отечественными исследователями классификаций жертв преступлений. Однако до сих пор не разработано единой классификации. Каждый исследователь закладывает в основу классификации различные компоненты, что приводит к их существенным отличиям. Большинство применяют классификацию по возрасту, выделяя лиц преклонного возраста. Особенности психофизического порядка определяют и повышенную виктимность лиц пожилого и преклонного возраста (физическая слабость, слабая память, одиночество и т. д.) [16, с. 44–55].

Важно определить и саму дефиницию «старость» для того, чтобы понять нижнюю возрастную границу группы пожилого возраста. В общественном сознании нет четких возрастных границ периодизации. Крайние классификации устанавливают минимальный срок начала старости – 45 лет, максимальный – 75 [17, с. 7]. В настоящее время Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)

определяет его в интервале от 60 до 74 лет, старческого – от 75 до 89, возраст 90 лет и более считается возрастом долгожителей [18, с. 14].

Организация Объединенных Наций (ООН) использует несколько иной подход. К пожилым людям относятся те, кто старше 60 лет, а люди старше 80 лет включаются в категорию долгожителей. В отдельных документах ООН оговаривается, что в зависимости от конкретных социально-экономических условий нижняя граница пожилого возраста может сместиться во многих развивающихся странах до 50 лет [19, с. 52]. Таким образом, отметка в 60 лет признана международными организациями как базовый критерий пожилого возраста.

Определение старости напрямую связано с критерием потери трудоспособности. В связи с данным обстоятельством установить границы старости применительно к советским реалиям позволяет пенсионное законодательство. ЦИК и СНК СССР 15 мая 1929 г. утвердил постановление «Об обеспечении в порядке социального страхования по случаю старости», установив систему государственного пенсионного обеспечения по старости: для мужчин – 60 лет, для женщин – 55. «Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию» от 13 февраля 1930 г. содержало отдельную главу «Пенсия по старости», возрастные рамки соответствовали предыдущему нормативно-правовому акту, но внесена и новая норма: «Лицам, занятым на подземных работах в горной промышленности, пенсия по старости назначается, если они достигли 50 лет и при том проработали в общей сложности не менее 20 лет, из которых не менее 10 лет на подземных работах» [20]. Таким образом, нижняя граница старости законодательно устанавливалась в диапазоне 50–60 лет в зависимости от отраслевой принадлежности.

Данные положения действовали и в годы Великой Отечественной войны. Следовательно, советские и партийные

деятели, указывая «стариков» и «старух» в документах военного времени, опирались на возрастные критерии социального законодательства.

«Старики» как особая группа жертв нацистской истребительной политики гражданского населения выделялась в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» на Чрезвычайную государственную комиссию (далее – ЧГК), на которую возлагалась обязанность осуществить полный учет «фактов убийств мирных граждан и насилий оккупантов над беззащитными людьми, женщинами, детьми и стариками, а также фактов увода советских людей в немецкое рабство» [21, л. 3]. В Инструкции о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, одобренной Советом Народных Комиссаров Союза ССР 17 июня 1943 г., в п. 4 подчеркивалось: «...установлению и учёту подлежат: а) факты убийств мирных граждан, насилий, издевательств и пыток, учинённых немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками над беззащитными людьми – женщинами, детьми и стариками» [22, с. 20].

Исходя из инструкций, можно предположить, что давались четкие указания на учет категории жертв – «стариков». Во многих актах ЧГК содержатся факты совершения преступных действий в отношении лиц старшего возраста. В отдельных актах ЧГК указывается возраст, в других только констатируется данная категория.

В мае 1943 г. ответственным секретарем Воронежской областной ЧГК А. Кузнецовой были составлены Сводные таблицы о злодеяниях, совершенных

немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками на территории Воронежской области по материалам, составленным до марта-апреля 1943 г. Сведения были сгруппированы в виде таблицы, содержащей столбцы по возрастным группам: «от 0 до 7 лет», «от 8 до 13 лет», «от 14 до 17 лет», «от 18 до 55 лет», «свыше 55 лет» и «возраст не указан». Также жертвы разделялись по гендерной принадлежности. Практически по всем районам указывались следующие виды злодеяний: «повешены», «расстреляны», «убиты», «ранены», «угнаны в Германию», «подвергнуты истязаниям», «арестованы, местонахождение неизвестно». В отдельных районах указано злодеяние «сожжены живыми».

Сведения были обобщены по данным отчетов, полученных ЧГК до мая 1943 г., т. е. за период 3 месяца с момента освобождения территории. Информация по группе «старше 55 лет» не была заполнена по 9 районам Воронежской области из 19 (без г. Воронежа), т. е. почти половина районных комиссий не учла группу жертв «старики». Подсчет по сводным таблицам дает нам цифру в количестве всего 111 стариков. В категории «возраст не указан» – 47123 человек [23, л. 1–12]. Таким образом, можно смело констатировать, что учет стариков как отдельной группы жертв не был осуществлен.

Согласно Уставу Международного военного трибунала, все международные преступления разделены на три группы: а) преступления против мира; б) военные преступления; в) преступления против человечности¹. Современное правовое регулирование охраны мира и безопасности человечества осуществляется на основе Римского статута Международного

¹ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси: [принят в г. Лондоне 8 авг. 1945 г.] // Гарант.ру: сайт. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 24.06.2023).

уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.)¹ и отдельных международных конвенций [24, с. 62]. Юрисдикция Международного уголовного суда распространяется в отношении следующих преступлений: а) преступление геноцида; б) преступления против человечности; в) военные преступления; г) преступление агрессии

В рамках исследования мы не рассматриваем первые и последние преступления, а акцентируем внимание на второй и третьей группе. Отдельно отметим, что преступления, совершенные нацистами и их пособниками, объектами которых стали «стариками» – евреи, советские и партийные деятели, члены семей командиров РККА, не анализируются, т. к. мотивами их уничтожения являлись их этническая принадлежность и социально-партийный статус. Их уничтожение обусловлено принадлежностью к особым этническим, общественно-политическим группам. Хотя, безусловно, статистика их учитывала именно в возрастной группе старше 55 лет.

Римский статут определяет «преступление против человечности» как «любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и, если такое нападение совершается сознательно»¹.

Истребление. Римский статут определяет истребление как «умышленное создание условий, в частности лишение доступа к продуктам питания и лекарствам, рассчитанное на то, чтобы уничтожить часть населения». По мнению нацистов, «лишние рты» съедали хлеб, который нужен был Германии. Стариками также были первоочередной жертвой в нацистских планах очистки территории от лишнего населения. В современной историографии известна «политика голода» [25,

р. 47]. Автором преступного плана был статс-секретарь министерства продовольствия и сельского хозяйства Герберт Бакке, который оценивал «избыточное население» Советского Союза в 20–30 млн человек [26, с. 41]. На оккупированной территории гражданское население было лишено средств к существованию. Продовольствием снабжались в первую очередь армия, служащие оккупационных органов власти. Остальное население не получало ничего [27, с. 46].

Британский журналист газеты SundayTimes и британской радиокomпании BBC Александр Верт в августе 1943 г. побывал в Орле. Со слов очевидцев он так описывал эту страшную зиму: «Зима 1941–1942 гг. была самой тяжелой. Люди сотнями умирали от голода. Позже они стали получать по 200 гр хлеба в день, если как-то работали на немцев. <...> Старик (его фамилия Фомин) рассказал о страшном голоде в Орле. Длительное время населению вообще не выдавали никакого продовольствия, даже мизерного хлебного пайка. Проходя по улицам зимой 1941–1942 гг., люди спотыкались о тела упавших и тут же умерших. В ту зиму он с женой с большим трудом меняли свои пожитки на картофель и свеклу. Позже людям помогали выжить их огороды» [28, с. 120].

От голода и болезней на территории Воронежской области в период оккупации умерло 198 300 человек [29, л. 8]. Большая часть жертв голода – дети и старики. В акте, составленном колхозниками колхоза «Завет Ильича», о злодеяниях фашистов в с. Попасное Лискинского района Воронежской области зафиксировано, что в селе «каждый день даже по несколько детей умирало, а также и стариков <...> умерло детей сорок и стариков десять» [30, л. 37–39].

В г. Воронеже нацистами в июле 1942 г. был организован Дом инвалидов: «В дом инвалидов было водворено 450 чел. жителей гор. Воронежа, которые все были нетрудоспособные, старики, инва-

¹ Римский статут Международного уголовного суда: [Рим, 17 июля 1998 г.] // Гарант.ру: сайт. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 24.06.2023).

лиды и больные, содержались в тяжелых условиях. Больные большей частью лежали на полу, постельных принадлежностей не было, для чего использовалась одежда и личные вещи больных. Больные были завшивлены, питание им было плохое. То есть больные питались тем, что они сами изыскивали, а снабжения со стороны руководства, как заведующего здравоохранения С <...> и немецкой комендатуры, никакого не было. Питьевая вода почти отсутствовала. Поэтому часть больных страдали кровавыми поносами, которым необходимой медицинской помощи не оказывалось, в результате чего были случаи смертности» [31, л. 194–197].

Без питания и оказания медицинской помощи постояльцы Дома инвалидов умирали от истощения, обезвоживания, заражения.

В августе 1942 г. все пациенты Дома инвалидов были вывезены под видом эвакуации и расстреляны [32, л. 12–13 об].

Убийства. Практически все акты ЧГК фиксируют факты убийства стариков.

В акте комиссии о зверствах, убийствах, грабежах и насилиях над мирным населением села Пасека Воронежской области от 23 декабря 1942 г. зафиксировано: «Свое пребывание немецкие варвары ознаменовали массовыми убийствами и насилиями над мирными гражданами. Зарезали кинжалом и еще живую закопали в землю 70-летнюю колхозницу Пуленкову Дарью Герасимовну, застрелили Анникову Варвару Герасимовну – 70 лет, Жукову Варвару Федоровну – 68 лет, у которой 4 сына в Красной Армии, закололи штыком Тихонову Арину Яковлевну – 94 лет, застрелили Бровкину Анну Федоровну, 67 лет» [33, л. 178]. Из акта мотивы убийства лиц пожилого и старческого возраста указаны только у одной жертвы – В. Ф. Жуковой – принадлежность к семье военнослужащих РККА, остальные убиты по неизвестным причинам. Безусловно, они невинные жертвы и

не могли представлять никакой угрозы военнослужащим вермахта.

Лица старшего возраста в силу своих физиологических особенностей не могли быстро выполнять приказы и распоряжения военнослужащих армии вермахта и их союзников, что также становилось причиной их убийства. Так, в селе Урыв Воронежской области «гитлеровцы забрасывали гранатами целые семьи колхозников, укрывавшихся в земляных сооружениях, только за то, что они, не зная языка оккупантов и не понимая их требований и приказов, мешкали выходить из укрытий» [34, л. 30–32 об., 33 об.]. Среди 40 убитых лиц старше 55 лет – 5 человек [34, л. 30–32 об., 33 об.]. В Курской области «за медлительность при вытаскивании немецкой машины, попавшей в канаву, расстреляны старики-колхозники: Николай Бобрышов – 69 лет, Никифор Бобрышов – 74 лет и Иван Еремин – 55 лет» [35, л. 8, 9]. Была расстреляна 56-летняя колхозница Марфа Новикова с. Терновое Воронежской области «за то, что она не могла идти как больная на работы, организованные немцами» [36, л. 11–11 об.]. В Орловской области «27 декабря 1941 года 4 немецких солдата ворвались в дом больного гр[аждани]на Чичерина Андрея Егоровича, 1889 г. рождения, и стали гнать больных стариков: Чичерина А. Е. и его жену Кузнецову Софью Иосифовну, 1884 года рождения, на работу. Больные категорически отказались выйти из дома. Тогда немецкие палачи вывели их на улицу и на глазах собравшихся колхозников расстреляли» [37, л. 24–31].

Старики становились жертвами убийства во время военных действий. В частности, 25 декабря 1942 г. во время боя по приказанию немецкого коменданта Вагнера солдаты вермахта согнали всех жителей села Голое Воронежской области в клуб. Снаряд попал в угол клуба, разрушив часть стены. Жители через него стали разбегаться по домам. Солдаты открыли огонь из автоматов по убе-

гавшим, убив 15 человек, в том числе: Наливайко Ирина Лазаревна, «80-летняя старуха», Моторин Николай Порфирович, 71 год, Гузеева Анастасия Егоровна, «70-летняя старуха», Кодацкая Надежда Стефановна, 61 год [38, л. 1].

В прифронтовой полосе в Воронежской области убийство стариков носило массовый характер. Изгнание гражданского населения сопровождалось убийствами. В селе Борщево Гремяченского района Воронежской области «в своих же хатах» были убиты как неспособные уйти из села 6 жителей, в том числе долгожители: 101-летняя П. И. Колосова, 97-летняя Е. К. Лаврова, 90-летний Г. И. Титов [38, л. 23–23 об., 25 об., 26]. В с. Урыв Коротояжского района «выгоняли всю семью из дома, а больных, инвалидов и престарелых пристреливали на месте в доме, во дворе и на улицах» [34, л. 30–32 об., 33 об.]. В этом селе были убиты 16 пожилых, 20 человек старческого возраста и 2 долгожителя [подсчитано по: 34, л. 30–32 об., 33 об.].

Убийства сопровождалось тотальным выселением гражданского населения. 4 января 1942 г. при угоне населения села Сажное Курской области: «Все население выехало, в селе остались которые не могли двигаться старики и старухи, фашистские изверги их замучили и постреляли всего 12 человек» [39, л. 197, 198].

Убийства мирных жителей приобрели массовый характер при отступлении воинских частей в декабре 1942 – январе 1943 г. В с. Голое Воронежской области был расстрелян 70-летний Д. Н. Голово [38, л. 25]. В с. Пасюковка той же области при насильственной эвакуации населения было убито 10 стариков [40, л. 12–12 об.].

При отступлении из Глазуновского района Орловской области происходил угон всех жителей: «Стариков по дороге избивали, а кто не мог дальше идти, расстреливали» [41, л. 1–2 об.]. При угоне жителей д. Семеновка Курской области «по пути их следования утомленных де-

тей, стариков и больных немецкие палачи, конвоирующие гр[ажд]ан, расстреливали, избивали прикладами, палками и т.п.» [42, л. 15, 16].

Наибольшее число убийств произошло с использованием *огнестрельного оружия*, что обусловлено военными действиями. Приведем лишь некоторые свидетельства. В д. Муратовка Орловской области «более 60 человек стариков, женщин и детей заперли в колхозный сарай, где продержали их январскую ночь, а утром выгнали за деревню Лески в овраг и всех расстреляли из пулеметов» [43, л. 47–49 об.]. В Курской области «гитлеровцами в Волобуевском сельсовете, расположенном на правом берегу реки Сейм, где они заняли передовую линию обороны, было расстреляно 173 человека беззащитных мирных жителей. В числе расстрелянных в этот день были: 80-летний Загребаев Василий Петрович, 87-летняя Саницкая Анна Семеновна, Колесова Вера Петровна <...> и целый ряд других, равных им по возрасту, стариков и старух» [44, л. 1].

Зафиксированы факты убийства стариков с использованием *холодного оружия*. Так, в различных селах Воронежской области «зарезали кинжалом» 70-летнюю колхозницу Д. Г. Пуленкову, «закололи штыком» 94-летнюю А. Я. Тихонову [33, л. 178], «приколоты штыками» старушки 75 лет Щербашина Марфа, Пышнограева Ефросиния, 60 лет [38, л. 25]. 75-летнему колхознику П. Е. Силину, отрубили голову [45, л. 219, 224–225, 226]. В г. Воронеже голову отрубили 66-летнему А. И. Певцову [46, л. 13].

Убийство с использованием взрывчатых средств (гранат, мин). Подобный метод убийства приобрел массовый характер в Воронежской и Курской областях. Старики убивались в подвалах, убежищах посредством забрасывания их гранатами военнослужащими армии вермахта и их союзников. Данный метод убийства использовали как при наступлении (например, Новая Таволжанка Ще-

бекинского района [47, л. 4–4 об.], г. Грайворон Курской области [48, л. 27–27 об.], так и при отступлении войск вермахта (например, хутор Россошки Гремяченского района [49, л. 8–10 об.], г. Острогожск [50, л. 63, 64] Воронежской области, д. Муратовка Орловской области [43, л. 47–49 об.]), а также при карательных акциях (например, с. Урыв Воронежской области [34, л. 30–32 об., 33 об.], п. Погорелый Михайловского района [51, л. 403–403 об.], с. Ивница Суджанского района [52, л. 60–60 об.] Курской области).

В марте 1943 г. отступавшие части вермахта сожгли село Коренево Курской области, оставили целым здание школы, где в подвале заложили крупную мину в печи. Население, лишившись крова, переселилось в школу, при розжиге печи мина взорвалась. В результате взрыва здание было уничтожено и при взрыве погибло 16 человек, в том числе 3 женщины старше 55 лет [51, л. 364–364 об.]. В с. Крутой Лог Курской области фашисты загнали стариков, женщин и детей в церковь и взорвали ее [53, с. 47].

Удушение. На оккупированной территории активно казнили через повешение. В с. Горяино Касторенского района Курской области на дереве повесили 65-летнего П. М. Чаплинского [54, л. 11]. Этот метод убийства совершался с целью запугивания местных жителей. Эзекuciones с особой жестокостью совершались на улицах и площадях населенных пунктов, трупы казненных не убирались несколько дней [55, с. 42]. Причинами служили неповиновение оккупационным властям, обвинение в партизанстве.

Сжигание. Сжигание жертв зафиксировано во многих населенных пунктах. Сожжение было массовым или индивидуальным. Старики являлись и основными жертвами при сожжении населенных пунктов. В Ивницком сельсовете данного района среди сожженных указаны лица пожилого и преклонного возраста: 6 жителей в возрасте 70–79 лет и от 80 и

старше – 4 [52, л. 60–60 об.]. Фиксировались и индивидуальные акты, в частности в Курской области немцы облили бензином и заживо сожгли 80-летнего колхозника Ф. И. Кучеряева (д. Корнеевка) [55, с. 136], 65-летнюю М. А. Голубятникову (с. Ефросимовка) [56, л. 47–49], 75-летнюю Ф. А. Семкову (пос. Студенецкий) [55, с. 138].

В Орловской области «старика, 65 лет Селютин Михаил Алексеевич, которого выстрелом из автомата ранили в ногу, а затем раненного загнали его в дом, заперли дверь дома, дом этот подожгли, где сгорел и раненный Селютин» [57, с. 83], в другом селе «подожгли дом, в котором находились два семидесятилетних старика, которые в нем и сгорели заживо» [58, л. 75, 75 об.].

В документах ЧГК зафиксирован такой метод убийства, как **закапывание** жертвы живой в землю (с. Пасека [33, л. 178], с. Истобное [59, л. 6] Воронежской области). Данный метод умерщвления носил индивидуальный характер, его чаще практиковали при убийстве детей. Массовым был только один случай в райцентре с. Беседино Курской области в июне 1942 г., когда живыми в землю закопали 11 человек – коммунистов и советских активистов [55, с. 346]. Однако источники не дают возрастную характеристику жертв.

Убийство посредством закапывания в снег было выявлено только один раз. Жертвой стала «старушка» Барановская Марфа Петровна, 70 лет, которую «при 30 градусах мороза раздетую закопали в снег и держали ее два дня. После чего Барановская умерла – замерзла» [60, л. 47–47 об.].

Умерщвление газом. В 1942–1943 гг. в Курской и Воронежской областях действовала зондеркоманда 4а (Sonderkommando 4a) – формирование специального назначения, входившее в айнзацгруппу Ц полиции безопасности СД. В их арсенале были мобильные газовые камеры – газенваген, или «душегубка». Из материалов

Харьковского судебного процесса известно, что душегубку применяли в гг. Курск, Белгород, Россошь Воронежской области [61, с. 26, 67]. Водитель душегубки М. Буланов на допросе от 14 ноября 1943 г. показал: «К моменту приезда душегубки на место, находившиеся в ней люди: мужчины, женщины, старики и дети, задыхались <...> при открытии дверей, еще теплые трупы тех, кто находился ближе к выходу, падали на землю» [62, с. 263–277]. Детальная информация о деятельности душегубок на территории Воронежской и Курской областей в опубликованных источниках отсутствует [61, с. 26, 67].

С 7 по 9 октября 1943 г. в Песчаном Логу под Воронежем проводилась эксгумация 450 трупов. Эксперты, изучив их, выяснили, что 302 из них принадлежали лицам старше 40 лет, или 67%. Криминалисты не смогли сделать заключение по 90 трупам и предположили, что их умертвили путем отравления или заживо погребли [32, л. 12, 13 об.].

Умышленное причинение сильных страданий или серьезных телесных повреждений и ущерба здоровью. На всей оккупированной территории лица пожилого возраста подвергались избиениям, издевательствам и унижениям. Из акта, составленного 22 января 1943 г. колхозниками колхоза «Красная заря» Лискинского района Воронежской области, следует: «...был введен рабский труд без оплаты и не только к уклоняющимся, но и явно больным, не выполнявшим их задание, применялись меры, оскорбляющие человеческую личность, били палками, прикладами, плетями, сажали в карцер, подвешивали к деревьям <...> Староста выгонял из хаты Пономарева Кузьму Матвеевича, 82 лет от роду. Он уговаривал, чтобы его из родной избы не выгоняли, так как он болен и слаб, за это староста и мадьяр избили прикладом и вытолкнули из хаты. Также поступили и с его женой, 80 лет от роду, Апросиньей Пономаревой» [30, л. 23–24 об.].

Лишение средств к существованию, нанесение телесных повреждений, издевательства становились причиной смерти гражданских лиц. В селе Пасюковка Воронежской области военнослужащие войск СС по неизвестной причине вырвали язык старику Е. Ф. Пасюкову, который через некоторое время после ужасной казни умер [40, л. 12–12 об.].

В г. Ливны Орловской области 80-летнего старика В. И. Сухоруких «избили до полусмерти и выбросили на улицу, не вынеся всех пыток, он сошел с ума и без крова замерз на улице» [63, л. 14, 15, 17].

Изнасилование. Лица старшего возраста подвергались и сексуальному насилию. В актах ЧГК содержатся многочисленные свидетельства местных жителей о фактах изнасилований. Жертвами сексуального насилия, как правило, были молодые девушки и женщины, но встречаются и упоминания жертв старше 55 лет. Например, в пос. Коренево Курской области: «Сластолюбцы-развратники, фашистские изверги, они не брезгают ничем [и] не считаются ни с возрастом людей, ни с состоянием их здоровья — ломают, губят все, лишь бы удовлетворить свою животную потребность. Так были изнасилованы две старые женщины: одна в возрасте 56 лет, гражданка С. Д. Н., другая 52 лет, гражданка Ш. Е. М.» [51, л. 67]. Составители акта женщину в возрасте 52 лет отнесли к категории «старых женщин».

Сексуальное надругательство часто происходило в присутствии свидетелей, как правило, родственников. В селе Ячнево Курской области ночью в дом местных жителей вошел военнослужащий и изнасиловал 50-летнюю женщину в присутствии мужа, последний, не выдержав издевательства над женой, умер [64, л. 15–17]. В Воронежской области «старуху лет 55 от роду, Ивановну, немец заставил лезть в погреб за молоком и сам туда спустился и изнасиловал ее, т. к. в хате

был старик, который мешал это сделать» [30, л. 71–73 об.].

Изнасилования совершались в подавляющем большинстве в пьяном виде: «...пьяные и трезвые немцы ходили по землянкам и насиловали женщин, девушек и старушек. 1 января явились немцы в землянку к 70-летней старушке Науменко Марине и изнасиловали» [30, л. 54–55 об.]. В колхозе «Красный май» Воронежской области 70-летнюю женщину солдаты «в пьяном виде зверски изнасиловали, которая через 10 дней с ужаса и страха померла» [65, л. 113–113 об.]. Изнасилование в пьяном виде имело, как правило, групповой состав и отягчалось избиениями и издевательскими над жертвами.

В с. Черемисиново «50-летнюю старуху <...> фашистские бандиты изнасиловали группой в 10 человек» [66, л. 5], 66-летняя женщина Н., проживавшая в г. Дмитриеве Курской области, была изнасилована ворвавшимися в ее дом пьяными солдатами [67, л. 33–44]. В д. Плоховке Курской области жертвой группового изнасилования стала 80-летняя И. А. [55, с. 176–177].

Сексуальные преступления часто были спонтанными агрессивными действиями, которые были массовыми и повсеместными.

В архивных документах содержатся данные о персональном составе военных преступников [53, с. 693, 694; 68, л. 180–199; 69, л. 4–31].

Как отмечает историк А. Яковлев: «Войска СС, полицейские батальоны, айнзацгруппы и в определенной мере вермахт должны были эффективно дополнять стратегию голода, устраняя ненужное колонизаторам население, сокращая численность “враждебных” народов, освобождая землю для последующей немецкой колонизации» [70, с. 143].

В Центральном Черноземье, объединявшем Воронежскую, Курскую и Орловскую области РСФСР, истребительная политика осуществлялась с октября 1941

по сентябрь 1943 г. Оккупационный режим осуществляли германские войска и части союзников гитлеровской Германии – венгерские, румынские, финские, словацкие и итальянские воинские подразделения.

Территория временно оккупированной части Орловской области относилась к айнзацгруппе В (Einsatzgruppe В), Воронежская и Курская области – к айнзацгруппе Ц. Действовали зондеркоманда 7b (Sonderkommando 7b) [57, с. 40], зондеркоманда 4a (Sonderkommando 4a) [71, л. 17–21].

В Черноземье действовали и различные коллаборантские части. В Орловской области действовал карательный отряд «Украинская компания» («Укркомпания») под командованием Н. Гетмана. Каратели занимались подавлением партизанского движения в радиусе трех районов тогдашней Орловской области: Хвастовичском, Ульяновском и Знаменском. Помимо борьбы с партизанами, «Укркомпания» массово уничтожала местное население: «Степень вины людей не устанавливалась. Гетман производил уничтожение людей, которые по своей старости, молодости или болезни не могли быть использованы немцами как рабы. Стариков расстреливали за то, что они старики...» [72, л. 71]. При проведении карательной акции в д. Узкая Знаменского района Гетман отобрал 28 стариков и старух, неспособных к физическому труду, и их расстреляли. Гетман заявил остальным: «Если не будете работать, то и вас дармоедов постигнет та же участь» [72, л. 72]. Самым тягчайшим обвинением для людей была старость, непригодность к труду.

Выводы

Истребление лиц старшего возраста, которое осуществляли нацисты и их пособники, можно рассматривать как планомерный геронтоцид (от греч. γέρων, род. п. γέρωντος – старик, и лат. caedo – убивать). Лица старшего возраста, в

большой своей массе потерявшие трудоспособность, рассматривались нацистским руководством как лишний, абсолютно не нужный балласт. Если трудоспособное население могло представлять интерес в качестве рабочей силы, используемой в интересах рейха, то их нельзя или практически нельзя было использовать как трудовой резерв.

Лица старшего возраста в документах военного времени – «старики» и «старухи» – были невинными жертвами военных преступлений. Уход от обоб-

щенной категории жертв военных преступлений «мирных советских граждан» позволит выяснить точное число лиц пожилого и преклонного возраста. На основе рассекреченных архивных документов необходимо дальнейшее изучение «уязвимых жертв» военных преступлений, к которым относятся старики, лица с инвалидностью, дети. Одновременно важно включить в историческую память о жертвах войны стариков, в связи с чем активно развивать мемориальные проекты.

Список литературы

1. Терушкин Л. А. Архиву НПЦ «ХОЛОКОСТ» в Москве – 15 лет // Отечественные архивы. 2007. № 4. С. 138–139.
2. Помни о нас...: люди с инвалидностью – малоизвестные жертвы нацистского режима в оккупированных регионах РСФСР: сборник статей / ред. И. В. Реброва. СПб.: Европейский Дом, 2022. 390 с.
3. Бессонов Н. В. Цыганская трагедия, 1941-1945: факты, документы, воспоминания: в 2-х т. Т. 2: Вооруженный отпор / под ред. Л. Н. Черенкова. СПб.: Шатра, 2010. 375 с.
4. Трагедия войны: гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / отв. ред. К. А. Пахалюк. М.: Яуза-каталог, 2021. 655 с.
5. Шнеер А. Плен: советские военнопленные в Германии, 1941-1945. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. 623 с.
6. Шнеер А. Плен: солдаты и офицеры Красной Армии в немецком плену. М.: Пятый Рим, 2022. 608 с.
7. Mendelsohn B. Methode a utiliser par la defenseurpur les recherchesConcertant la Personalite du Criminal // Revue de Droit Penal et de Criminologie et Archives internationaux de medicine legale. Bruxelles, 1937, pp. 877–891.
8. Mendelsohn B. Un horizon nouveau dans la science biopsych social: La victimologie. Bucharest: Without a publisher, 1947. 270 p.
9. Hentig Hans von. The criminal and his victim. New Haven: Yale University Press, 1948. 478 p.
10. Drapkin I., Viano E. Victimology: a new focus: violence and its victims. Lexington, Mass, 1974. 208 p.
11. Elias R. The politics of victimization, victims, victimology and human rights. Oxford: Oxford University Press, 1986. 395 p.
12. Friday P. C., Kirchoff G. F. Victimology at the transition from the 20th to the 21st century. Düren: Shaker Verlag, 2000. 21 p.
13. Mendelsohn B. Une nouvelle branche de la science bio-psychosociale, la victimologie // EtudesInternationales de Psycho-Sociologie Criminelle. France. 1956. July-September. P. 105–108.

14. Schafer S. The victim and his criminal: A study in functional responsibility. New York: Random House, Cop., 1968. 178 p.

15. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе: Ирфон, 1977. 237 с.

16. Ривман Д. В. Криминальная виктимология: Жертвы преступлений. Мошенничество. Хулиганство. Кражи. Разбой. СПб.: Питер, 2002. 304 с.

17. Альперович В. Д. Старость. Социально-философский анализ. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998. 104 с.

18. Бутуева З. А. Социальная геронтология. М.: Юрайт, 2023. 174 с.

19. Поварич И. П., Челомбитко А. Н. Пожилые люди как объект исследования в экономике труда: сущность и ключевые характеристики // Проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 9 (49). С. 51–57.

20. Действующее законодательство об обеспечении в порядке социального страхования по инвалидности, по случаю потери кормильца, по старости и за выслугу лет. На 1 января 1930 г. М.: Гострудиздат-во, 1930 (Ленинград: Тип. им. Володарского). 280 с.

21. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 113.

22. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. Л.: Лениздат, 1944. 262 с.

23. ГАОПИВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 1691. Оп. 1. Д. 32.

24. Новичков В. Е. Преступления против мира и безопасности человечества: проблемы конфликта российского, зарубежного и международного права // Таврический научный обозреватель. 2016. № 4 (9). С. 60–68.

25. Kay A. Exploitation, resettlement, mass murder: political and economic planning for german occupation policy in the Soviet Union, 1940–1941. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. 256 p.

26. Дюков А. Р. Нацистская идеология и планирование «войны на уничтожение» против Советского Союза // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 2 (25). С. 6–69.

27. Филоненко С. И., Филоненко Н. В. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). Воронеж: ВГАУ, 2003. 255 с.

28. Верт А. Россия в войне 1941–1945 / [авториз. пер. с англ. и вступ. ст. Е. А. Болтина]. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 735 с.

29. ГАОПИВО. Ф. 3478. Оп.1. Д. 207.

30. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 204.

31. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Воронежской области. Д. 1. К-1.

32. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 37.

33. ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4677.

34. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 192.

35. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-3927. Оп. 3. Д. 13.

36. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 312.

37. ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. П-52. Оп. 2. Д. 721.

38. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 224.

39. ГАБО (Государственный архив Белгородской области). Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 43.

40. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 190.

41. ГАОО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 15а.
42. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 280.
43. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 285.
44. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 281.
45. ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4584.
46. ГАВО. Ф. Р. 51. Оп. 26. Д. 555.
47. ГАБО. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 1а.
48. ГАНИБО (Государственный архив новейшей истории Белгородской области). Ф. 14. Оп. 1. Д. 198.
49. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 152.
50. ГАОПИВО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 6.
51. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 256.
52. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 294.
53. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Белгородская область: сб. арх. док. / отв. ред. Е. В. Кривцова. М.: Фонд Связь Эпох; Кучково поле Музеон, 2020. 824 с.
54. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-123. Оп. 1. Д. 40.
55. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Курская область: сб. арх. док. / отв. ред. В. В. Раков. М.: Фонд Связь Эпох, 2020. 488 с.
56. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 218.
57. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Орловская область: сборник документов / отв. ред. Ю. В. Апарина. М.: Фонд Связь Эпох: Воевода, 2020. 477 с.
58. ГАОО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 101.
59. ГАВО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 291.
60. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 288.
61. Украинский фронт (4 (СССР); 1941-45). Военный трибунал. Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации. М.: Госполитиздат, 1943. 94 с.
62. ЦА ФСБ России (Центральный архив Федеральной службы безопасности России). Ф. К-72. Оп. 1. Д. 15.
63. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 53.
64. ГАБО. Ф. Р-73. Оп. 1. Д. 28.
65. ГАБО. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 3.
66. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 227.
67. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 251.
68. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3238.
69. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 22. Д. 10.
70. Яковлев Е. Н. Совецание в Вевельсбурге, план голода и «окончательное решение»: истоки нацистского замысла о геноциде народов СССР // Журнал российских и восточно-европейских исторических исследований. 2021. № 2 (25). С. 70–161.
71. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 5.

References

1. Terushkin L. A. Arhivu NPC "HOLOKOST" v Moskve – 15 let [The archive of the NPC "HOLOCAUST" in Moscow is 15 years old]. *Otechestvennyye arhivy = Domestic archives*, 2007, no. 4, pp. 138–139.
2. Pomni o nas...: lyudi s invalidnost'yu – maloizvestnyye zhertvy nacistskogo rezhima v okkupirovannykh regionakh RSFSR. Sbornik statej [Remember about us...: people with disabilities are little-known victims. Nazi regime in the occupied regions of the RSFSR. Collection of articles]; ed. by I. V. Rebrova. St. Petersburg, Evropejskij Dom Publ., 2022. 390 p.
3. Bessonov N. V. Cyganskaya tragediya, 1941–1945: fakty, dokumenty, vospominaniya. T. 2. Vooruzhennyj otpor [The Gypsy tragedy, 1941-1945: facts, documents, memories. Vol. 2. Armed resistance]; ed. by L. N. Cherenkova. St. Petersburg, Shatra Publ., 2010. 375 p.
4. Tragediya vojny: gumanitarnoe izmerenie vooruzhennykh konfliktov XX veka [The tragedy of war: the humanitarian dimension of armed conflicts of the twentieth century]; ed. by K. A. Pahalyuk. Moscow, Yauza-katalog Publ., 2021. 655 p.
5. Shneer A. Plen: sovetskie voennoplennyye v Germanii, 1941–1945 [Captivity: the council prisoners of war in Germany, 1941-1945]. Moscow, Mosty kul'tury; Ierusalim, Gesharim Publ., 2005. 623 p.
6. Shneer A. Plen: soldaty i oficery Krasnoj Armii v nemeckom plenu [Captivity: soldiers and officers of the Red Army in German captivity]. Moscow, Pyatyj Rim Publ., 2022. 608 p.
7. Mendelsohn B. Method to be used by the urpur defense for research Concerning the Personal it edu Criminal. *Journal of Criminal Law and Criminology and International Archives of Forensic medicine*. Bruxelles, 1937, pp. 877–891. (In Franch.)
8. Mendelsohn B. A new horizon in social biopsych science: Victimology. Bucharest, Without a publisher, 1947. 270 p. (In Franch.)
9. Hentig Hans von. *The criminal and his victim*. New Haven, Yale University Press, 1948. 478 p.
10. Drapkin I., Viano E. *Victimology: a new focus: violence and its victims*. Lexington, Mass, 1974. 208 p.
11. Elias R. *The politics of victimization, victims, victimology and human rights*. Oxford, Oxford University Press, 1986. 395 p.
12. Friday P. C., Kirchhoff G. F. *Victimology at the transition from the 20th to the 21st century*. Düren, Shaker Verlag, 2000. 21 p.
13. Mendelsohn B. A new branch of bio-psychosocial science, victimology. *International Criminal Psycho-Sociology Studies*, 1956, July-September, pp. 105–108. (In Franch.)
14. Schafer S. *The victim and his criminal: A study in functional responsibility*. New York, Random House, Cop., 1968. 178 p.
15. Frank L. V. *Poterpevshie ot prestupleniya i problemy sovetskoj viktimologii* [Victims of crime and problems of Soviet victimology]. Dushanbe, Irfon, 1977. 237 p.
16. Rivman D. V. *Kriminal'naya viktimologiya: Zhertvy prestuplenij. Moshennichestvo. Huliganstvo. Krazhi. Razboj* [Criminal victimology: Victims of crimes. Fraud. Hooliganism. Thefts. Robbery]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 304 p.
17. Al'perovich V. D. *Starost'. Social'no-filosofskij analiz* [Old age. Socio-philosophical analysis]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNC VSH Publ., 1998. 104 p.
18. Butueva Z. A. *Social'naya gerontologiya* [Social gerontology]. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 174 p.

19. Povarich I. P., Chelombitko A. N. Pozhilye lyudi kak ob"ekt issledovaniya v ekonomike truda: sushchnost' i klyuchevye harakteristiki [Elderly people as an object of research in labor economics: the essence and key characteristics]. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta = Problems of Economics and Management*, 2015, no. 9 (49), pp. 51–57.

20. Dejstvuyushchee zakonodatel'stvo ob obespechenii v poryadke social'nogo strahovaniya po invalidnosti, po sluchayu poteri kormil'ca, po starosti i za vyslugu let. Na 1 yanvarya 1930 g. [The current legislation on the provision of social insurance for disability, loss of breadwinner, old age and seniority. On January 1, 1930]. Moscow, Gostrudizdatvo Publ., 1930 (Leningrad, Tip. im. Volodarskogo). 280 p.

21. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. R-7523, op. 4, d. 113.

22. Sbornik ukazov, postanovlenij, reshenij, rasporyazhenij i prikazov voennogo vremeni. 1942–1943 [Collection of decrees, resolutions, decisions, orders and orders of wartime. 1942–1943]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1944. 262 p.

23. GAOPIVO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Voronezhskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Voronezh Region], f. 1691, op. 1, d. 32.

24. Novichkov V. E. Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: problemy konflikta rossijskogo, zarubezhnogo i mezhdunarodnogo prava [Crimes against the peace and security of mankind: problems of conflict of Russian, foreign and international law]. *Tavricheskij nauchnyj obozrevatel' = The Tauride Scientific Observer*, 2016, no. 4 (9), pp. 60–68.

25. Kay A. Exploitation, resettlement, mass murder: political and economic planning for german occupation policy in the Soviet Union, 1940–1941. New York; Oxford, Berghahn Books, 2011. 256 p.

26. Dyukov A. R. Nacistskaya ideologiya i planirovanie "vojny na unichtozhenie" protiv Sovetskogo Soyuzha [Nazi ideology and planning of the "war of annihilation" against the Soviet Union]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropskih istoricheskikh issledovanij = Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, 2021, no. 2 (25), pp. 6–69.

27. Filonenko S. I., Filonenko N. V. Krah fashistskogo "novogo poryadka" na Verhnem Donu (iyul' 1942 – fevral' 1943) [The collapse of the fascist "new order" on the Upper Don (July 1942 – February 1943)]. Voronezh, VGPU Publ., 2003. 255 p.

28. Vert A. (1901–1969.) Rossiya v vojne 1941–1945 [(1901-1969.) Russia in the war of 1941-1945]; [Avtoriz. per. s angl. i vstup. st. E. A. Boltina]. Moscow, EKSMO Publ., Algoritm Publ., 2003. 735 p.

29. GAOPIVO, f. 3478, op.1, d. 207.

30. GAVO (Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti) [State Archive of the Voronezh Region], f. R-1784, op. 1, d. 204.

31. Arhiv Upravleniya Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii po Voronezhskoj oblasti [Archive of the Department of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Voronezh Region], d. 1, k-1.

32. GAVO, f. R-1784, op. 1, d. 37.

33. GAOPIVO, f. 3, op. 1, d. 4677.

34. GAVO, f. R-1784. op. 1, d. 192.

35. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-3927, op. 3, d. 13.

36. GAVO, f. R-1784, op. 1, d. 312.

37. GAOO (Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti) [State Archive of the Orel region], f. P-52, op. 2, d. 721.

38. GAVO (Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti) [State Archive of the Voronezh Region], f. R-1784, op. 1, d. 224.

39. GABO (Gosudarstvennyj arhiv Belgorodskoj oblasti) [The State Archive of the Belgorod region], f. R-61, op. 1, d. 43.

40. GAVO, f. R-1784, op. 1, d. 190.

41. GAOO, f. R-691, op. 1, d. 15a.

42. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 280.

43. GAOO, f. P-52, op. 2, d. 285.

44. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 281.

45. GAOPIVO, f. 3, op. 1, d. 4584.

46. GAVO, f. R. 51, op. 26, d. 555.

47. GABO, f. R-82, op. 1, d. 1a.

48. GANIBO (Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Belgorodskoj oblasti) [State Archive of the Modern History of the Belgorod region], f. 14, op. 1, d. 198.

49. GAVO, f. R-1784, op. 1, d. 152.

50. GAOPIVO, f. 1691, op. 1, d. 6.

51. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 256.

52. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 294.

53. Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoj territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Belgorodskaya oblast'. Sbornik arhivnykh documentov [Without a statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Belgorod region. Collection de documents d'archives]; ed. by E.V. Krivcova. Moscow, Fond Svyaz' Epoh Publ., Kuchkovo pole Muzeon Publ., 2020. 824 p.

54. GAOPIKO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Kursk region], f. P-123, op. 1, d. 40.

55. Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoj territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Kurskaya oblast'. Sbornik arhivnykh documentov [Without a statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Kursk region. Collection de documents d'archives]; ed. by V. V. Rakov. Moscow, Fond Svyaz' Epoh Publ., 2020. 488 p.

56. GAOPIKO, f. P-2, op. 1, d. 218.

57. Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoj territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Orlovskaya oblast'. Sbornik dokumentov [Without a statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Oryol region. Collection of documents]; ed. by Yu. V. Aparina. Moscow, Fond Svyaz' Epoh Publ., Voevoda Publ., 2020. 477 p.

58. GAOO, f. R-691, op. 1, d. 101.

59. GAVO, f. R-1784, op. 1, d. 291.

60. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 288.

61. Ukrainskij front (4 (SSSR); 1941-45). Voennyj tribunal. Sudebnyj process o zverstvah nemecko-fashistskih zahvatchikov na territorii gor. Har'kova i Har'kovskoj oblasti v period ih vremennoj okkupacii [The Ukrainian Front (4 (USSR); 1941-45). Military tribunal. The trial of the atrocities of the Nazi invaders on the territory of the mountains. Kharkiv and Kharkiv region during their temporary occupation]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1943. 94 p.

62. CA FSB Rossii (Central'nyj arhiv Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossii) [Central Archive of the Federal Security Service of Russia], f. K-72, op. 1, d. 15.

63. GAOO, f. P-52, op. 2, d. 53.

64. GABO, f. R-73, op. 1, d. 28.

65. GABO, f. R-90, op. 1, d. 3.
66. GAOPIKO, f. P-2, op. 1, d. 227.
67. GAKO, f. R-3605, op. 1, d. 251.
68. GAOPIKO, f. P-1, op. 1, d. 3238.
69. GARF, f. R-7021, op. 22, d. 10.
70. Yakovlev E. N. Soveshchanie v Vevel'sburge, plan goloda i "okonchatel'noe reshenie": istoki nacistского замысла о genocide народов СССР [The meeting in Wewelsburg, the famine plan and the "final Solution": the origins of the Nazi plan for the genocide of the Peoples of the USSR]. *Zhurnal rossijskih i vostochno-evropejskih istoricheskikh issledovanij = Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, 2021, no. 2 (25), pp. 70–161.
71. GARF, f. R-7021, op. 149, d. 5.
72. CAFSB, f. K-72, op. 1, d. 36.

Информация об авторах / Information about the Authors

Бахтин Виктор Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: bakhtin2009@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4735-7440

Victor V. Bakhtin, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Pedagogy and Humanitarian Disciplines, Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: bakhtin2009@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4735-7440

Припадчев Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: senior.pripadcheff@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9689-1984

Andrey A. Pripadchev, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Socio-Political Disciplines, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: senior.pripadcheff@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9689-1984